

Терминотворчество М.В. Панова как отражение особенностей мышления ученого

Щепалин М.Д.

Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва,
Российская Федерация

e-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Актуальность обусловлена интересом исследователей к проблематике работы творческого мышления, а также способам ее изучения по вербализованным результатам деятельности конкретных авторов. В статье на примере научного творчества М.В. Панова рассматривается пригодность терминов и их дефиниций для извлечения информации о когнитивных стилях и типах мышления. В ходе исследования были использованы методы контент-анализа и сопоставительного анализа. Материалом исследования послужили научные работы М.В. Панова. Были сделаны выводы о проявлении у исследованного автора когнитивных стилей: гибкий познавательный контроль, когнитивная сложность, узкий диапазон эквивалентности, заострение и полнезависимость мышления. Помимо этого, мышление М.В. Панова сочетало свойства научного и художественного, а при терминотворчестве применялась речемыслительная операция «детализация».

Ключевые слова: когниция, когнитивные стили, терминотворчество, речемыслительные операции, креативность, типы мышления.

Для цитаты: Щепалин М.Д. Терминотворчество М.В. Панова как отражение особенностей мышления ученого [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 4. С. 23–31. DOI:10.17759/langt.2024110403

Terms by M.V. Panov as a Mirror of the Scientist's Mind

Maksim D. Schepalin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

e-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

The relevance is conditioned by the interest of researchers to the problems of creative thinking work, as well as the ways of its study by verbalized results of specific authors' activity. The article considers the relevance of terms and their definitions for extracting information about cognitive styles and types of thinking on the example of scientific creativity of M.V. Panov. The methods of content analysis and comparative analysis were used in the course of the research. The materials of the study were

scientific works by M.V. Panov. Conclusions were made about the manifestation of such cognitive styles as flexible cognitive control, cognitive complexity, narrow range of equivalence, sharpening, and gender-independent thinking in the researched author. In addition, M.V. Panov's thinking combined the properties of scientific and artistic, and such a speech and thinking operation as 'detailing' was used in term creation.

Keywords: cognition, cognitive style, term creation, intellect operations, creativity, types of thinking.

For citation: Schepalin M.D. Terms by M.V. Panov as a Mirror of the Scientist's Mind. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 4, pp. 23–31. DOI:10.17759/langt.2024110403 (In Russ.).

Введение

В процессе научного познания действительности ученый создает тексты, фиксирующие результаты научного поиска. При этом он не воспроизводит каждый раз концепцию, на которую опирается, а отсылает к ней с помощью информационно емких единиц, в числе которых главными являются термины. Такой отсылочный аппарат позволяет не включать в текст саму концепцию в виде прямого цитирования [7, с. 382]. Если ученый развивает и обогащает уже существующую концепцию или создает новую, он должен отразить это приращение знания в термине.

Анализ текстов, отражающих процесс и результаты терминотворчества со стороны конкретных ученых, позволит нам определить индивидуальные особенности мышления, которые выражаются в тех или иных когнитивных стилях учёного. Под когнитивными стилями мы, вслед за М.А. Холодной, понимаем «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения» [18, с. 16]. При анализе материала в статье учитывалась классификация когнитивных стилей на основе биполярного подхода, которая была разработана М.А. Холодной, в частности такие параметры, как «узкий / широкий диапазон эквивалентности», «ригидный / гибкий познавательный контроль», «сглаживание / заострение», «когнитивная простота / сложность» [Там же]. Кроме этого, мы опирались на классификацию речемыслительных операций, выявленных Ба Юйсинь и О.В. Евтушенко [5] в процессе изучения словотворчества. Под речемыслительными операциями мы будем понимать особые способы обработки, сохранения и использования результатов отражения объективного мира языковыми средствами.

В основе нашего исследования лежит **гипотеза** о том, что создание термина – это проявление лингвокреативности. В том, насколько стандартны или окказиональны приемы порождения термина, отражается когнитивный стиль ученого.

Целью проведенного исследования было рассмотрение терминов как языковых единиц, способных выполнять роль маркеров особенностей мышления конкретного исследователя.

В качестве **методов** исследования мы использовали контент-анализ и сопоставительный анализ.

Материалами исследования послужили труды Михаила Викторовича Панова. Данный

выбор был обусловлен широтой рассматриваемых автором тем, а также большим влиянием поэзии на его жизнь и деятельность. Михаил Викторович сам писал стихи и был способен «выявлять поэзию в науке» [2, с. 91]. Такая тесная связь науки и поэзии, их «неразрывность в творчестве учёного и поэта» [Там же] нашли своё отражение и в предлагаемых терминах.

Изучение терминоворотчества в науке

Терминологию принято называть специфическим лексиконом языка науки. Термин — это «слово (словосочетание) метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слово, обозначающее специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека» [1, с. 89]. К этому обычно добавляют, что «термин требует специальной дефиниции (точного научного определения)» [16, с. 14].

Для нашего исследования важно, какие способы порождения термина есть в распоряжении ученого. Существуют два основных способа создания однословного термина: 1) путем заимствования, внутреннего или внешнего; 2) путем деривации. Внутреннее заимствование — это перенос слова в терминосистему из того же языка, а именно из его «старых фондов» (архаизмы), из актуальных запасов общеупотребительного языка или из языков для специальных целей, т. е. из других терминосистем. Первые два вида переноса называются терминологизацией, последний — транстерминологизацией [16, с. 194]. Перенос может сопровождаться расширением / сужением значения, метафоризацией [8] или метонимизацией [3]. Семантические изменения, происходящие при терминологизации и транстерминологизации, являются продуктом речемыслительных операций. Внешнее заимствование — это перенос в терминосистему слов чужого языка. Терминообразование (создание дериватов) накладывает на ученого определенные ограничения: он должен отдавать предпочтение определенным морфемам и композиционным моделям, чтобы вписать термин в терминосистему. Для деривации могут использоваться интернациональные терминологические элементы, т. е. взятые из чужого языка, морфемы собственного языка или сочетание тех и других. У А.В. Суперанской, Н.В. Подольской и Н.В. Васильева касательно терминоворотчества мы можем найти следующее: «...использование для терминологических нужд общеупотребительного слова и изобретение новых словесных знаков являет собой две главных тенденции в терминоворотчестве <...> определяют “лицо” терминосистемы и научного метаязыка в целом» [16, с. 199]. Следование общему принципу создания метаязыка своей области или применение своего подхода тоже характеризует когнитивный стиль ученого.

Неонимы (новые термины) могут создаваться также синтагматическим путем — путем создания словосочетаний, нередко доходящих до 8–11 слов, причем не поддающихся сокращению. Такие образования А.В. Исаченко называл «терминами-описаниями» и критиковал их как «свернутые дефиниции» (цит. по [16, с. 97]). Для нас деление А.В. Исаченко на «термины-названия» и «термины-описания» важно как отражение процедур селекции и комбинации, характеризующих когнитивный стиль. А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева предложили для обозначения однословных терминов, заимствованных и сконструированных, использовать слово «метки» [16, с. 98], и мы будем придерживаться его в своей работе.

Отдельно выделяются нестандартные способы терминоворотчества, в частности «квазиомонимические». Они заключаются в отталкивании от уже существующих терминов и создании неонима путем их трансформации. Примечательно, что для иллюстрации такого

подхода А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева используют термин М.В. Панова [Там же, с. 223].

Все сказанное заставляет нас обратиться к анализу терминоворотчества М.В. Панова как источнику сведений об их когнитивных стилях. При анализе материала нами учитывались разработки Н.А. Мишанкиной и Е.А. Панасенко, в частности мы обращали внимание на контексты употребления термина [8].

Терминоворотчество М.В. Панова

В терминоворотчестве М.В. Панова демонстрируется разнообразие подходов. Мы допускаем, что ему были известны взгляды А.В. Исаченко на «термины-описания» [6], и потому он сознательно подбирал термины-метки. Кроме того, считая дихотомию в языке важнейшей методологической предпосылкой, он и в терминоворотчестве опирался на принцип минимальных пар. Наконец, он хорошо ориентировался в технике создания новых слов, в том числе поэтической.

Первые два авторских термина М.В. Панова — минимальная пара *синтагмо-фонема* и *парадигмо-фонема* — были введены в книге 1967 г. «Русская фонетика». По результатам их обсуждения позже, в 1981 г., в учебнике «Современный русский язык» был добавлен термин *дифференциатор*.

К необходимости выделения двух типов фонем М.В. Панов пришел в результате осознания того, что «парадигматические и синтагматические описания», применяемые Пражской и Московской фонологическими школами, «не тавтологичны. Они представляют объективно различные типы закономерностей в языке» [12, с. 324]. Ученый доказывает, что термин *фонема* омонимичен, и это многих сбивает с толку, заставляя искать способы совмещения двух подходов. М.В. Панов разделяет омонимы, добавляя к основе *фонем-* еще один корень, указывающий на основной исследовательский подход. Так появляются термины *синтагмо-фонема* — фонема, выделенная с учетом звуко сочетаний, т.е. позиции (это подход пражской школы), и *парадигмо-фонема* — ряд позиционно чередующихся звуков (подход МФШ) (подробный анализ см. [15]). Эти авторские термины образованы путем РМО детализации, а их появление может указывать на когнитивный стиль заострения. Стремление к поддающейся обоснованию детализации — это характерная черта научного мышления.

Интересно, что М.В. Панов не останавливается на снятии омонимии термина *фонема*, а переходит к высокому уровню обобщения: он выявляет синтагматический и парадигматический принцип как движущую силу диахронических изменений в языке, причем эти принципы оказываются в дополнительной дистрибуции. Кроме того, ученый устанавливает доминирование одного из них в одном языке и другого — в другом на синхронном срезе. Иными словами, наблюдается движение его мысли к дезантропоморфизму (уход от устанавливаемого человеком научного метода к общим закономерностям), что характерно для научного мышления. Значительное усложнение соответствующего фрагмента фонологических и шире — лингвистических — знаний позволяет говорить о когнитивной сложности, характеризующей стиль мышления М.В. Панова.

Показательно, что ученый последующие 15 лет продолжает думать над неудобством использования обозначения *фонема*, пусть и с уточняющим вторым корнем, для

принципиально разных описаний (вернее было бы сказать «срезов») языка. М.В. Панов отказывается от им же введенных терминов и предлагает назвать синтагмо-фонемы *дифференциаторами* — по их функции различать языковые единицы. Оставаясь верным принципу минимальных пар, ученый в примечаниях допускает переименование парадигмо-фонем в *идентификаторы*. Следует отметить, что функциональный метод в это время начинает доминировать в русистике, и такое смещение внимания отразилось в терминовтворчестве М.В. Панова. Кроме того, уход от наименования *фонема* означал разрыв связи с учителями. Способность пойти на такой шаг характеризует стиль мышления ученого как полнезависимый.

Другую сторону терминовтворческого таланта М.В. Панова открывает термин *нофема*, который появился в работе 1973 г. «Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка». Его корень — палиндром к корню термина *фонема*, и такая комбинаторика указывает на оппозитивные отношения. К корню добавлен эмический аффикс, уравнивающий *нофему* с *фонемой* в системе языка. М.В. Панов называет свой термин «минимально отличным от термина *фонема*» [13, с. 387] и добавляет, что и по своей природе он антипод фонеме¹. Под *нофемой* М.В. Панов понимает позицию, которая предопределяет «перцептивные отпечатки одного звука на другом» [Там же, с. 390]. Так, взрывные согласные укорачивают предшествующий гласный. Такую позицию можно считать *нофемой* X. Все слова языка могут быть описаны через совокупность *нофем*. Целесообразность введения *нофемы* М.В. Панов объяснял потребностями описания поэтической речи: в ней важными могут оказываться признаки, нерелевантные для фонологии (например, дизность гласного), но существенные для *нофологии*.

Концепция перцептивно значимых позиций значительно трансформирует устоявшиеся к моменту написания статьи представления о фонематической системе. Это свидетельствует о полнезависимом когнитивном стиле и гибком познавательном контроле. Сосредоточение внимания на трудноразличимых акустических признаках, таких как дизность или лабиализация, говорит об узком диапазоне эквивалентности и заострении. Способ создания термина сочетает в себе селекцию (парономазия) и комбинацию (перестановка звуков). Такая проекция с «оси селекции» на «ось комбинации» служит, по Р.О. Якобсону, реализацией поэтической функции языка [19, с. 204]. Иными словами, тип мышления М.В. Панова можно идентифицировать и как художественный, и как научный одновременно.

Другой термин — *кнотр* — был придуман примерно в то же время — в середине 1970-х гг. Необходимость в нем М.В. Панов объясняет так: «...нужно особое слово для такого ритма, при котором каждая единица избирается свободно» [14, с. 15]. Примечательно, что ученый описывает и процесс создания этого термина: «Термин должен быть бессмысленный, но по своему фонетическому строению мне важно, чтобы он немножко напоминал слова метр и ритм» [Там же]. Сходство фонетической оболочки слов должно показывать, что речь во всех случаях идет о повторе, причем повторе отношений, а отличие отражает тот факт, что, в противоположность ритму и метру, характер отношений и вид повтора избираются автором свободно. Сходство имен М.В. Панов обеспечивает как знаток фонологии и поэтической техники одновременно.

---

¹ Как отмечает В.В. Фещенко, «как правило, научный термин, сколь неологичным он бы ни был, вводится в виде антиномии, т.е. в паре с оппозитивным понятием» [17, с. 250].

Набор звуков в слове *кнотр* отнюдь не бессмыслен. Он выбран по тем же основаниям, по которым В. Хлебников выстраивал «скорнения» — паронимическую аттракцию, вскрывающую смысловую близость двух понятий [4]. Не случайно В.И. Новиков называет М.В. Панова «оригинальным поэтом» [9, с. 125] и указывает, что для него, как и для работавшего с ним В.П. Григорьева, В. Хлебников был любимым поэтом. Для паронимической аттракции нужно совпадение хотя бы трех звуков в любой комбинации. В словах *метр*, *ритм* и *кнотр* явно совпадают графемы *t* и *p*, и к этому можно добавить, что «в русском языке объединены фонемы <а – о – э – и>» [11, с. 474], и это служит достаточным основанием для паронимической аттракции. Как отмечает В.И. Новиков, «В Панове <...> человек, ученый и литератор были прочно слиты» [10, с. 48]. Можно предположить, что такая языковая игра была еще и окрашена когнитивной эмоцией радости, поскольку ученый мог ощутить себя творцом метаязыка науки, построенного на новых — инодискурсивных — основаниях.

Таким образом, *нофема* и *кнотр* имеют ряд сходств и различий. В обоих случаях принцип создания термина заимствован из другой сферы речевой деятельности, слова появляются в результате применения поэтических приемов. Однако М.В. Панов использует принципиально разные приемы — палиндром и паронимическую аттракцию, — основанные один на комбинации, другой на селекции. В первом случае фокус внимания был направлен на противоположность научных подходов, а во втором — на сходство явлений. Первый термин мотивирован, хотя его внутреннюю форму нельзя назвать прозрачной, второй должен был восприниматься как немотивированный, хотя и это не совсем верно — мотивация у него есть, но она лежит в плоскости абстрактных построений. Термины относятся к разным разделам лингвистики – к принципиально объективированной фонетике и фонологии и к допускающей проявление личностного начала при интерпретации лингвопоэтике.

Помимо этого, М.В. Панов знал, что слова, созданные по нестандартным моделям, редко выходят из разряда окказионализмов². Видимо, по этой причине он не придает значения последующей узуализации своих терминов из поздних работ. Это можно объяснить, во-первых, тем, что они маркируют авторскую концепцию, требующую специальных знаний, а значит, не рассчитаны на широкую публику, а во-вторых, еще и тем, что в научном труде М.В. Панов высоко ценил когнитивную эмоцию, и термины должны были стать иконическим знаком научного открытия, т.е. представлять собой такое же структурированное ученым гармоничное целое, как и означиваемая ими концепция.

Заключение

Из сказанного следует, что мышление М.В. Панова сочетало свойства научного и художественного. Использовалась речемыслительная операция «детализация», а также нашли свое проявление такие когнитивные стили, как гибкий познавательный контроль, когнитивная сложность, узкий диапазон эквивалентности, заострение, а также полнезависимый когнитивный стиль.

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 347 с.

---

² М.В. Панов приводит ответ В. Маяковского на вопрос, войдут ли его неологизмы в речь: «Ну, может и найдется один-другой такой дохлый...» [14, с. 341].

2. Волошина О.А. Поэзия науки и наука поэзии (о научном и поэтическом наследии М.В. Панова) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 90-99.
3. Голованова Е.И. Метонимия в сфере профессиональной номинации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 50–58. DOI 10.24411/1994-2796-2019-11007.
4. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 253 с.
5. Евтушенко О.В., Ба Ю. Типология речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 17(756). С. 26-38.
6. Исаченко А.В. Термин-описание или термин-название? // Славянска лингвистична терминология. София, 1962. № 1. С. 19–25.
7. Мишанкина Н.А. Роль метафорической концептуализации в структурировании научной информации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах, Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года / Гранада, Испания: фонд "Русский мир". Гранада, Испания: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы "МАПРЯЛ", 2015. С. 382-387.
8. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А. База данных метафорической терминологии: концептуальное проектирование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6(34). С. 86-99. DOI 10.15293/2226-3365.1606.07.
9. Новиков В.И. Поэтография Михаила Панова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. С. 121–131.
10. Новиков В.И. Роман с литературой. М.: Intrada, 2007. 280 с.
11. Панов М.В. «К думанью»: Фонологическая кулибрыга // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. С. 469–474.
12. Панов М.В. О двух типах фонетических систем // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 320–329.
13. Панов М.В. Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 384–392.
14. Панов М.В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций. М.: ИД ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 584 с.
15. Соколянский А.А. О разграничении понятий дифференциатор и синтагмо-фонема // Вестник ЧитГУ. 2010. № 2 (59). С. 111–116.
16. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. Изд. стер. М.: ЛЕНАНД, 2023. 248 с.
17. Феценко В.В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 190–257.
18. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
19. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.

References

1. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku [Introduction to applied linguistics]. Moscow: Editorial URSS, 2001. 347 p. (In Russ.)
2. Voloshina O.A. Poeziya nauki i nauka poezii (o nauchnom i poeticheskom nasledii M.V. Panova) [Poetry of science and science of poetry (on the scientific and poetic heritage of M.V. Panov)]. *Russkii yazyk v shkole*=*Russian language at school*. 2021. Vol. 82, no. 2, pp. 90-99. (In Russ.)
3. Golovanova E.I. Metonimiya v sfere professional'noi nominatsii [Metonymy in the sphere of professional nomination]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*=*Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019, no. 10 (432), pp. 50–58. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-11007 (In Russ.)
4. Grigor'ev V.P. Slovtvorchestvo i smezhnye problemy yazyka poeta [Word creation and related problems of the poet's language]. Moscow: Nauka, 1986. 253 p. (In Russ.)
5. Evtushenko O.V., Ba Yu. Tipologiya rechemyslitel'nykh operatsii, lezhashchikh v osnove slovtvorchestva [Typology of intellect operations underlying word creation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*=*Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2016, no. 17 (756), pp. 26-38 (In Russ.)
6. Isachenko A.V. Termin-opisanie ili termin-nazvanie? [Is it a descriptive term or a naming term?]. *Slavyanska lingvistichna terminologiya*=*Slavic linguistic terminology*. Sofiya, 1962, no. 1, pp. 19–25 (In Russ.)
7. Mishankina N. A. Rol' metaforicheskoi kontseptualizatsii v strukturirovanii nauchnoi informatsii [The role of metaphorical conceptualisation in structuring scientific information]. *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury : materialy XIII Kongressa MAPRYaL: v 15 tomakh, Granada, Ispaniya, 13–20 sentyabrya 2015 goda / Granadskii universitet; fond "Russkii mir". Granada, Ispaniya: Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnerstvo prepodavatelei russkogo yazyka i literatury "MAPRYaL"*, 2015, pp. 382-387 (In Russ.)
8. Mishankina N.A., Panasenko E.A. Baza dannykh metaforicheskoi terminologii: kontseptual'noe proektirovanie [Metaphorical terminology database: conceptual design]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*=*Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 2016, no. 6 (34), pp. 86-99. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.07 (In Russ.)
9. Novikov V.I. Poetografiya Mikhaila Panova [Poetography by Mikhail Panov]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*=*Works of the Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov*. 2016, no. 7, pp. 121–131 (In Russ.)
10. Novikov V.I. Roman s literaturoi [A romance with literature]. Moscow: Intrada, 2007. 280 p. (In Russ.)
11. Panov M.V. «K duman'yu»: Fonologicheskaya kulibryaga [To Thinking: Phonological mishmash]. *Zhizn' yazyka: Pamyati Mikhaila Viktorovicha Panova*. In M.L. Kalenchuk, E.A. Zemskaya (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur: Znak, 2007, pp. 469–474 (In Russ.)
12. Panov M.V. O dvukh tipakh foneticheskikh sistem [On two types of phonetic systems]. *Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku*. Vol. 1. In E.A. Zemskaya, S.M. Kuz'mina (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, pp. 320–329 (In Russ.)
13. Panov M.V. Ob odnom iz vozmozhnykh opisaniy foneticheskoi sistemy russkogo yazyka [On one of the possible descriptions of the phonetic system of the Russian language]. *Panov M.V. Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku*. Vol. 1. In E.A. Zemskaya, S.M. Kuz'mina (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, pp. 384–392 (In Russ.)
14. Panov M.V. Yazyk russkoi poezii XVIII–XX vekov: Kurs lektsii [Language of Russian poetry

of XVIII-XX centuries: Course of lectures]. Moscow: ID YaSK: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017. 584 p. (In Russ.).

15. Sokolyanskii A.A. O razgranichenii ponyatii differentsiator i sintagmo-fonema [On the distinction between the notions of differentiator and syntagmo-phoneme]. *Vestnik ChitGU=Bulletin of Chita State University*. 2010, no. 2 (59), pp. 111–116 (In Russ.).

16. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii [General Terminology: Issues in Theory]. In T.L. Kandelaki (ed.). *Izd. ster.* Moscow: LENAND, 2023. 248 p. (In Russ.).

17. Feshchenko V.V. Lingvokreativnost' v khudozhestvennom i nauchnom diskursakh. *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya [Linguocreativity in artistic and scientific discourse]*. In I.V. Zykova (ed.). Moscow: R.Valent, 2021, pp. 190–257 (In Russ.).

18. Kholodnaya M.A. Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. 2-e izd. Saint Petersburg: Piter, 2004. 384 p. (In Russ.).

19. Yakobson R.O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»=Structuralism: pros and cons*. Moscow: Progress, 1975, pp. 193-230 (In Russ.).

Информация об авторе

Щепалин Максим Дмитриевич, аспирант кафедры русского языка и словесности переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (ФГБОУ ВО МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Information about the author

Maksim D. Schepalin, PhD student, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, e-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Получена 30.07.2024
Принята в печать 25.11.2024

Received 30.07.2024
Accepted 25.11.2024